

Анна БАБИНА*г. Санкт-Петербург**Из цикла «Островитяне»***199106****новелла**

Он повертел в руках скрипучую пластиковую упаковку: к счастью, торт не помялся, когда он резко затормозил. Взбрело же в голову какому-то идиоту в неполюженном месте переться через дорогу возле Горного института!

Торт был такой, как любит мама, — большой, круглый, словно шляпная коробка, с вензелями и кипенным кружевом взбитых сливок. Иногда ему казалось, что такие торты — жирные, сладкие — не ест уже никто, кроме них, Ковалёвых, но мама даже смотреть не желала в сторону модных тирамису и чизкейков. Хорошо, хоть масляный крем не просит... Перед его глазами тотчас замельтешили пышные кремовые розы — он их терпеть не мог, после куска такого торта его несколько часов подташнивало, как после поездки в «львовском» автобусе. Зато мама с удовольствием слизывала жирный крем с серебряной фамильной ложечки.

Он улыбнулся и включил в машине сигнализацию.

Теперь его путь лежал через тихий зелёный дворик. В старой части Васильевского таких почти не встретишь, зато здесь, ближе к Гавани, полно. Он посмотрел на новенький детский городок с разноцветными переходами, лесенками, горками и невольно представил эту площадку такой, как она была лет тридцать назад: массивные пустые вазоны, скрипучие качели в чешуйках ржавчины да скучная серая горка в форме слона.

На этом бетонном «слоне» ежедневно кто-нибудь разбивал нос. Однажды пришла и его очередь; он отчётливо помнил, как бежал к парадной, пунктиром оставляя за собой красный след на снегу. Было не больно, скорее, обидно, и кровь казалась похожей на клюквенный морс.

Вот и парадная. Когда, интересно, убрали скамейку? Была ли она в прошлый раз, когда он приезжал к родителям, или уже нет? Кажет-

ся, была. Вот и куст сирени ещё не успел выровняться, растёт в стороны, он окружал скамейку. Когда-то на ней сидели три бабушки. Он всегда с ними здоровался, а они в ответ смешно кивали разноцветными узорчатыми головами. Всех их звали Нинами, поэтому различали бабушек по отчествам — одна была Кузьминична, вторая — Игнатьевна, а третья... Фу ты, чёрт, забыл! Он подумал, что этим Нинам, должно быть, тогда было не многим больше, чем его матери сейчас, но они казались гораздо старше. Из-за платков, наверное. Маму не заставишь надеть платок. Даже когда она заговаривает о смерти, — терпеть не может он эти разговоры! — то просит, чтобы её хоронили в чепце. Да разве в платках дело? Ведь им, этим Нинам, лет двадцать было, когда война началась. Вот и постарели рано. И ушли рано.

Пока он рылся в борсетке в поисках ключей (и куда они все время деваются?), домофон пронзительно запищал, дверь распахнулась, выпуская парочку — женщину с мальчиком на роликовых коньках.

В парадной царили прохлада и полумрак. Взглянул на узкий лестничный пролёт и вспомнил, что к соседям с третьего этажа, Рабиновым — с их дочкой Леной он учился в одном классе — пианино поднимали на тросах и грузили через окно. Интересно, куда оно делось, это пианино, когда Рабиновы уехали в Хайфу? Сейчас в квартире живёт бизнесмен с молодой женой и дочерью. Им пианино явно не нужно, они любят горные лыжи и дайвинг. Неужели оно до сих пор стоит там, в квартире, запечатое, как пленник? Или, может быть, его разобрали на части и вынесли на помойку? Он усмехнулся. И что за мысли лезут в голову? Вечер воспоминаний устроил...

По привычке заглянул в почтовый ящик. Видимо, отец вчера выгреб все газеты и рекламные проспекты. На дне ящика сиротливо лежал один-единственный конверт. «Ковалёву А. А.» — прочитал он и усмехнулся. Кто на этот раз решил написать отцу? Армейский приятель из Батайска? Тётя Надя из Зеленограда? Обратного адреса не было.

Вдруг что-то царапнуло едва заметно, как крошечная заноза. Почерк показался знакомым. Ведь он тоже Ковалёв А. А. — Александр

Андреевич. Может быть, письмо адресовано ему? Ведь он тоже здесь жил когда-то... Что за ерунда! Кто в наше время станет писать бумажные письма?

Он ещё раз взглянул на конверт. До чего же знакомый почерк! И совсем не похож на аккуратные «чертёжные» буквы тёти Нади. Буква «К» единственная ровно стояла на строчке, остальные прыгали туда-сюда. Он вдруг вспомнил и крупную «К», и те «весёлые» разнокалиберные. Сколько неприятностей доставляли они ей в начальной школе! Вот она сидит рядом, низко склонившись к парте. Не высовывает кончик языка, когда пишет, как многие девчонки из класса, но от сосредоточенности у неё странно каменеет лицо, становится совсем неживым, как у Ильича на бюсте в школьном холле первого этажа. Она пишет, старается, но всё равно получается неаккуратно...

Он торопливо разорвал конверт. «Милый Шанежка!» У него вдруг защипало в носу. Так вот как это бывает! Стук из прошлого. Почему сейчас?

«Шанежка» — так она его называла. Её родители приехали в Ленинград откуда-то с Урала, и мама по воскресеньям пекла шанежки — вкусные круглые ватрушки с картошкой и творогом. «Шанежка, пошли шанежки хавать!» — залиvisto смеялась она, демонстрируя шербинку между зубами.

Он поставил торт на почтовые ящики и развернул письмо. Оно было небольшое, и буквы разбегались в стороны куда больше обычного.

«Милый Шанежка! Сейчас, когда ты читаешь это письмо, я, возможно, лечу над Атлантикой или еду через пустыню, или лежу на диване в своём доме где-то в городке... назовём его Спрингфилд. Я не вернусь в Питер. Я так решила. Я вышла замуж за хорошего человека и больше никогда не стану ворошить прошлое. Мамы нет уже больше пяти лет, поэтому с городом меня ничего не связывает. Комнату на Весельной я продала одному милому молодому архитектору. Со мной нет ничего — ни фотографий, ни писем, ни книг. Это было моё решение. Я решила ничего не брать в новую жизнь...»

– Привет!

Она сидела на скамейке и читала книгу. Читала! Сама! Про себя! Это было удивительно. Она подняла на него янтарные глаза – ни у кого он не видел таких глаз ни до, ни после – и со старушечьим вздохом – разумеется, он ей помешал – ответила:

– Ну, привет, коли не шутишь...

– Как тебя зовут?

– Елизавета, – она улыбнулась уголком рта.

– А тебя?

– Санечка, – хотел сказать он, но накануне у него вывалился ещё один зуб, и вышло что-то вроде «Шанефка».

– Шанежка? – Лиза расхохоталась. – Это же пирожок!

– Сама ты пирофок. Шанефкой меня все называют. А так я – Алекфандр. А про что книфка?

– Про любовь, – важно сказала Лиза. – «Два капитана» называется. Хочешь дам почитать?

– Я не умею, – ему стало стыдно.

– Это ничего. Я тоже не умела, а за лето научилась. Со мной бабушка занималась.

– У меня тофе есть бабуфка, она с нами фывет.

– Это здорово. Я очень люблю бабушку. При ней мама с папой никогда не ругаются, – и, словно испугавшись своей откровенности, Лиза умолкла.

Они сидели рядом и молчали. Девочка теревала в руках переплёт книги.

– А хофеф, – сказал он, – я подарю тебе кремь от фафыгалки?

Они попали в один класс и совершенно мистическим образом оказались за одной партой. Дело в том, что он всегда рос быстрее одноклассников, но из-за близорукости учителя сажали его за первую парту. Лиза же, наоборот, тянулась вверх медленно, словно нехотя, и её было почти не видно из-за стола. Впрочем, это не мешало ей быть круглой отличницей. Если бы не она – смелая, находчивая, за словом в карман не полезет – ему бы, наверное, пришлось несладко.

В детстве за ним закрепилась репутация недотёпы и неудачника. Мама с папой, для которых он стал поздним и долгожданным ребён-

ком, тряслись над сыном и решали все его проблемы – таких не любят ни в детстве, ни после. Лиза изменила его. Под её влиянием он научился давать сдачи, играть в футбол и прыгать с крыши одноэтажного флигеля. Неудивительно, что его родители сразу невзлюбили «эту девицу»... Понятно, ревность, смешанная со страхом за сына.

«... Я пишу только тебе, потому что хочу сказать огромное спасибо за всё, что ты делал для меня. За то, что был рядом. Тебе казалось, что я избавляю тебя от одиночества? Это ты избавлял от одиночества меня...»

К пятнадцати годам все одноклассники разбились на пары и, не стесняясь учителей, целовались и обнимались на подоконниках. А они с Лизой всюду ходили вместе, бегали на залив, ездили за город, но он не решался даже взять её за руку.

Однажды Лиза пришла на встречу расстроенная, но рассказывать ни о чём не захотела. Это было в её характере: она всегда молчала до последнего, только сверкала глазами.

Он чувствовал, что ей плохо, но поделаться ничего не мог. Не придумав ничего лучше, повёл её в арку-провал – их секретное местечко на Тринадцатой линии. Они зашли в подворотню, сделали несколько шагов, и вдруг над их головами открылось стылое октябрьское небо.

– Ты ведь меня не оставишь? – вдруг спросила Лиза. Нижняя губа у неё подрагивала, но глаза оставались сухими.

– Никогда, – пообещал он.

Соврал, разумеется...

«... Ты – лучшее, что случилось со мной в жизни. Из всего того, что было, я хочу оставить только тебя. Я не знаю, что будет завтра, послезавтра, через месяц. Просто хочу, чтобы ты был со мной. Хотя бы так...»

На праздник по случаю его шестнадцатилетия Лиза не пришла – сказала больная. За столом сидели школьные приятели, которых он обрёл благодаря ей. Они принесли пиво и украдкой потягивали его на застеклённом балконе. Ему было неудобно. Хотелось стукнуть кулаком по столу и уйти в метельную темень.

В половине одиннадцатого, когда приятели разошлись, а родители вернулись из театра, раздался телефонный звонок. Трубку взял отец.

— Тебя, — недовольно буркнул он, и стало понятно, что звонит Лиза.

Он не узнал её голос — влажный, хриплый, далёкий.

— Шанежка, с днём рождения. Через полчаса в арке-провале. Жду!

— Она с ума сошла! Проститутка! — увидев, что он шнурует ботинки, мама взорвалась. — Андрей, скажи ему! Куда он пойдёт? Ночь на дворе! Гопота вся вышла! Холодина! Метель! Да и что это за штучки? Она свистнет — и ты побежишь?!

— Мама, она мой единственный друг, — тихо, но твёрдо сказал он. — Что-то случилось, иначе она бы никогда...

— Друг?! — перебила мама. — А кого ты сегодня приглашал тогда? — она выглядела уже не злой, а растерянной.

— Ольга, она взрослый мужчина, — вмешался отец. — Подумай сама! Разве стала бы девчонка выходить в ночи одна. Может, действительно что-то случилось. Ты же сама говорила, у них там вроде не все в порядке... у её родителей...

Когда он прибежал к назначенному месту, навстречу ему метнулась дрожащая тень.

— Шанежка, прости меня! Я не хотела в твой день рождения... но... Шанежка, папа ушёл! Представляешь? Собрал чемодан и ушёл. Мама полбутылки уже выпила... Шанежка... — и Лиза разрыдалась.

Он неловко обнял её. Да что там, схватил поперёк тела и прижал к себе.

— Что ты, перестань... — и вдруг заметил, что куртка на ней надета прямо на футболку, а на ногах — лёгкие кроссовки. — Пойдём к нам, Лиза. Пойдём.

— Твои родители меня не любят, — мгновенно каменея, ответила она.

— Это неважно, — уверенно сказал он и прибавил: — Зато я люблю.

«... Я не претендую на то, чтобы быть с тобой. У тебя семья, дети. Я была и всегда буду одна. Мне просто важно знать, что где-то на другом конце земли есть ты, Шанежка. Милый мой человек...»

С той ночи, когда мама, недовольно поджав губы, постелила ему на полу, а Лизе — на его софе, многое переменялось. Они по-прежнему не держались за руки, но Лиза стала с ним какой-то близкой и мягкой — совсем не такой, как раньше. Он и раньше подозревал, что на самом деле она другая. Эти перемены неожиданно испугали и расстроили его.

Лиза, его волевой и храбрый товарищ, стала обидчивой и слезливой, несла всякие сентиментальные глупости, требовала поцелуев и внимания. Аккуратно целуя её в растрескавшиеся ненакрашенные губы, он ощущал только робость и волнение почти неприятное. Встречи с Лизой тяготили, он научился врать и выкручиваться.

Однажды прямо посреди разговора она встала со скамейки, нервно заправив за ухо прядь, сказала:

— Не стоит тебе встречаться со мной, Шанежка. Счастья я не принесу, — и торопливо ушла.

Он не стал догонять.

«... Не стоит искать меня. Я всегда приносила тебе одни лишь неприятности. Ты очень хороший, Шанежка. Очень. Я не знаю, что стало бы со мной, если бы не ты...»

Придя после лета в выпускной класс, он узнал, что Лиза забрала документы и поступила в техникум. Чувствуя невольную вину, позвонил ей. Лизина мать заплетающимся языком сообщила, что дочь куда-то переехала. Адреса она не знала или не захотела говорить. Никто не знал о Лизе ничего — ни хорошего, ни плохого. Он прекратил поиски почти с чистой совестью. Честно говоря, он бы и не знал, что сказать Лизе, случись тогда встретить её на улице.

После школы он поступил в Бауманку и с лёгким сердцем уехал из Питера.

«... Ты всегда появлялся в самые тяжёлые моменты моей жизни. Не появился только сейчас, и я сочла это знаком. Значит, так нужно. Значит, всё...»

Прошло почти десять лет. Он так и остался в Москве, встретил Марину, женился, через год появился Славка, ещё через два — Алиса. События сыпались, как фигурки в «тетрисе», он только успевал складывать.

Однажды на новогодние каникулы всем семейством приехали к родителям в Питер. Жена отправила его за детским питанием. Он с удовольствием вышел в морозную мглу: за три дня в гостях все домашние успели порядком надоесть друг другу. Его Марина ладила с матерью только на расстоянии, да и сам он отвык от родительских поучений.

После Нового года город выглядел апокалиптически: ветер нёс по Среднегаванскому мусор, отяжелевшие от жирной еды и неумеренных возлияний горожане почти не появлялись на улице. Он шёл по знакомым местам и не узнавал родного Питера. Москва была совсем другой — стильной и выглаженной, как костюм дипломата.

Он зашёл в магазин, стряхнул с ботинок грязный серый снег и зашагал к стеллажам с нарядными баночками. В торговом зале было тепло, даже как будто уютно, и ему не хотелось сразу уходить. Чуть задержавшись у нужных полок с детским питанием, он взял несколько жестяных упаковок и прошёл к кассе.

— Пакет нужен? — кассирша подняла на него отяжелевшие от недосыпа глаза.

Он ни за что не узнал бы её, если бы не они, эти глаза — тёмный янтарь в золоте.

— Шанежка...

Он уловил своё имя в движении сухих бескровных губ. У неё по-детски задрожал подбородок. Янтарь оплавился, капелька смолы задрожала на ресницах.

— Маша, пятнадцать минут! — обернувшись на дверь, умоляюще крикнула она куда-то в подсобку.

— Шанежка, мама умерла, — прошептала она каким-то чужим голосом и задрожала теперь всем телом, как тогда ночью в арке-провале.

— Лиза, я... — он искал слова.

— Я понимаю, — спохватилась она. — Видела, что ты купил. Я очень рада, Шанежка. Правда... Очень рада...

— Лиза, как ты? — наконец выдавил он.

— Я — хорошо, Шанежка. Давай не будем. Расскажи о себе.

Он что-то говорил, наверное. Точно не молчал. Потом они вместе вышли на улицу, стояли в подворотне, прячась от ветра и позёмки. Ли-за курила, кутаясь в тонкую жилетку с эмблемой магазина. Он снял с себя финский пуховик и накинул ей на плечи. Она слабо возразила, но тотчас принялась наглаживать блестящий рукав сухой бледной ладошкой. Он знал, что завтра сляжет с температурой. До сих пор, как в детстве, он заболел от любого сквозняка, но в этот момент ему было всё равно.

«...Я заканчиваю, Шанежка. И так слишком много получилось. Надеюсь, ты счастлив. Я тоже постараюсь. Л.»

В родительской кухне засвистел чайник. Мама взглянула на торт и расплылась в улыбке:

— Самый дорогой, небось, взял, Санечка? Сейчас снимем пробу...

— Саш, а ты почтовый ящик не проверил? Нам квиток за газ должен прийти... Что-то нет уже вторую неделю! — перекивая шум воды, спросил из ванной отец, который бережно, как ребёнка, намывал огромный темно-зелёный арбуз.

— Ящик пустой, — коротко ответил сын и заговорил о чём-то другом, чтобы уйти от темы.

— Ребзя, вы не представляете, как я рада! — Лена Рабинова бодро вскочила из-за стола, но тут же покачнулась. Пожалуй, она выпила многовато вина.

— А мы-то как рады! — крикнул Серёжа Ячменный, поднимая бокал. — Давайте выпьем за Лену, которая прилетела к нам с тёплого Красного моря в зимнюю стужу!

— Хайфа — на Средиземном, дурачок, — кокетливо засмеялась Лида Лединская. — Что тебе Вер-Ванна по географии ставила?

— Пять! Она всем, кроме Батухтина, пятёрки ставила! А он однажды спросил, почему статья про промышленность Тольятти находится в разделе «География России»!

Грохнул смех.

— Эй, Санёк, пошли покурим, — потянул его за рукав Пятачок — Лёня Пятаев, маленький розовощёкий мужичок, с которым они когда-то неплохо ладили.

– Я не курю.

– Пошли, говорю, – не отставал Пятачок. – Тебе ещё не надоела эта ярмарка тщеславия?

Они вышли на крыльцо, оба закурили. Дул холодный ветер, снег крутился, обтекая столбы, как вода в половодье. Некстати вспомнилась та встреча с Лизой.

– Ты про Лизу знаешь? – спросил Пятаев, глядя на него в упор.

– Да, знаю. Ещё одна эмигрантка...

– Циничный ты, – голос Пятачка был серьёзным.

– В смысле? В Америке, наверное, неплохо живётся.

Пятаев как-то странно посмотрел на него, потом взял под руку.

– Сань, ты правда ничего не знаешь, да?

– Знаю. Лиза вышла замуж за американца и уехала. Всё.

– Сань, я не знаю, откуда ты это взял, но... У меня тесть в Песочном работает... ну, в больнице. Я ему документы как-то отвозил... Иду – вдруг окликают кто-то. Я даже не узнал её, Сань... Глаза только её, остальное – чужое... Четвёртая стадия, Сань. Это всё. Она просила тебе не говорить, но я подумал... Ты как, Сань?..

«P.S.: Письма, конечно, доходят и без индекса, но мне приятно, что я помню твой – 199106. В 1991 мы познакомились, а 06 – месяц моего рождения. Я всё помню, Шанежка, милый мой человек...»

«Жалюзи пропускали рассеянный дневной свет, создавая в коридоре больницы приятный полумрак», – эта фраза пришла Инне в голову совершенно неожиданно. Наверное, мозг учительницы литературы включил защитную реакцию, чтобы не думать о том, что происходит на самом деле.

Слово «приятный» вряд ли подходило этому месту. Выхолощенный кондиционером воздух, жёлтые стены, вдоль которых – деревянные панели-экраны, а в качестве «компенсации» за весь этот казённый неуют – пара плохоньких репродукций Левитана, как насмешка.

«Над вечным покоем», – вспомнила Инна название одной из картин. – Вечный покой... Вечный. Господи, как же страшно звучит».

Она встала, пробуя ноги на прочность, сделала несколько неуверенных шагов в сторону поста медсестры. Жёлтые сте-

ны плясали перед глазами. Не упасть бы. Девой напугает...

Она обернулась к ним, словно ища поддержки. Оля, младшая, сидела спокойно, только руки беспрестанно двигались: она стаскивала обручальное кольцо и сразу обратно нанизывала его на палец. Глаза дочери казались узкими от непролитых слёз. Егор ёрзал, как в детстве, глаза его влажно блестели.

Инна вспомнила день, когда рассказала Андрею о том, что у них будет ребёнок.

Стоял душный вечер. В окно, распахнутое во двор-колодец, залетал чей-то приглушённый смех. Андрей некоторое время смотрел на неё, как будто не понимая смысла сказанных слов, а потом вдруг встал, подошёл к окну и крикнул в молочные сумерки, пахнущие сиренью: «У меня будет сын!» В ответ со двора донеслись чьи-то пьяные поздравления. Это было так непохоже на её сдержанного и стеснительного Андрея...

— Мы же не знаем ещё, сын или нет, — смущённо бормотала Инна, пока он покрывал поцелуями её щеки и плечи.

— Я знаю, — уверенно ответил он. И не ошибся.

«Надо напомнить Андрею об этом», — подумала Инна и тут же сморщилась от внезапной боли. Андрею больше ничего нельзя напомнить.

Ещё пара шагов.

Девушка на посту поднялась Инне навстречу:

— Вам нехорошо?

У медсестры было приветливое молодое лицо, ещё не подёрнутое равнодушием.

— Нет-нет, всё в порядке...

Какое, к чёрту, в порядке? Вся жизнь разлетелась на куски. «Пошлая метафора», — машинально отметила Инна. Вслух выдавила:

— Скажите... что нам делать дальше...

— Тело передадут на вскрытие, — отводя глаза, отчеканила сестра. — А вы можете спокойно ехать домой...

Слово «спокойно» было совсем не уместным в этой ситуации, но оно не резануло слух Инны — не до того. Она отступила назад, к детям.

— Я вызову такси, — сказал Егор и взял мать за руку.

Её холодная ладонь целиком поместилась в его крупной и влажной пятерне. Когда-то было наоборот...

Дома Инна переоделась в домашний костюм (терпеть не могла халаты!) и прошла на кухню.

За окнами по-осеннему стремительно темнело.

Она загремела посудой: «Надо приготовить что-то простое, но вкусное, чтобы дети хоть немного порадовались. Макароны с сыром? Они так их любили! Да, сварить макароны...» Инна распечатала пачку, стала неловко вытряхивать содержимое в пустую кастрюлю, только теперь спохватилась: сначала нужно вскипятить воду. Как будто разом разучилась готовить, соображать и жить...

Инна высыпала макароны на стол и подошла к мойке, чтобы наполнить кастрюлю водой. В раковине стояла кружка Андрея — утром он опаздывал и не успел её вымыть. В восемь часов Андрей, как обычно, выпил кофе с бутербродом, в половине девятого осторожно, чтобы не разбудить жену, вышел за дверь, а в девять его «ласточка» превратилась в груды искорёженного металла. Андрей Петрович Герасимов умер в реанимации пять часов спустя. Вот так оно и бывает, оказывается. Утром — жена, а вечером — вдова.

Инна взяла кружку. Она показалась ей тёплой. Наверное, руки у неё были слишком холодные.

— Mam, давай я приготовлю ужин, — Егор вошёл неслышно, но она даже не вздрогнула.

— Нет, Егорушка, спасибо. Отдохните с Лелькой. Завтра будет тяжёлый день.

— Mam, я вот что подумал... Надо, наверное, свидетельство о смерти баб-Кати найти и папину метрику. Для кладбища.

Инна посмотрела на сына с благодарностью: хоть кто-то в семье не теряет голову. Ответила:

— Да, посмотри в его столе, пожалуйста. Там много всего, и всё перепутано... Ты же знаешь папу...

— Я найду, — ответил Егор и вышел из кухни.

Он прошёл в родительскую спальню, где в углу обломком советского кораблекрушения громоздился отцовский стол. Всё остальное в спальне — кровать, шкаф, люстра, кресло — было новенькое, купленное после ремонта, а этого деревянного монстра отец сохранил в память о своём отце.

Егор сел за стол, включил настольную лампу и

открыл верхний выдвижной ящик: сплошные провода, батарейки, старые сотовые телефоны. Дёрнул ручку второго ящика и вспомнил, что отец всегда закрывал его на замок.

В седьмом классе студентка-первокурсница Марина занималась с Егором английским на дому. Папа как раз в то время починил замочек на ящике и объяснил, что хранит в столе наличные.

— Ты что, не доверяешь Марине? — спросил Егор, внимательно следя за тем, как отец смазывает замочные детали.

— Нет, почему же! Но зачем провоцировать? Что называется, «во избежание».

Егору не понравилась тогда отцовская улыбка — виноватая и в то же время хитрая. Раньше он никогда не видел у него такой.

Встречаясь с Мариной в коридоре, папа расспрашивал об успехах сына и шутил, но, уходя из дома, не забывал повернуть ключ в замочке.

В комнату скользнула Лелька: Егор уловил движение воздуха и запах лёгких цветочных духов. Она села на краешек родительской кровати, поближе к брату, и, как в детстве, робко ткнулась лбом ему в плечо.

Егор любил сестру, но так и не научился выражать то, что чувствовал. Лелька, он знал, тоже любила его, только стеснялась любых проявлений нежности.

Егор положил ладонь на её растрёпанные рыжие волосы. Вспомнилось, как мама в субботу отправила их гулять во двор, и, пока он болтал с приятелем, сестра упала с дерева и сломала руку. «Мама, Егор не виноват, он за мной следил, рука сама сломалась», — начала Лелька с порога оправдательную речь.

Не отрывая голову от плеча брата, она глухо спросила:

— Егор, почему это случилось с нами?

— Я не знаю, Лель. Не знаю.

— Папа же лучший... лучший... Папа... — она сухо всхлинула.

— Пашка-то когда приедет? — Егор попытался отвлечь сестру от неприятных мыслей.

— Раньше завтрашнего вечера его не отпустят. У него доклад завтра.

— У тебя есть я, мама и Пашка. Мы рядом, ты же знаешь, — говорил Егор, как будто это могло сгладить боль утраты.

Лелька всегда была рядом: и когда покончил с собой его лучший друг Сева, и когда Ирка не дождалась его из армии.

Холодной августовской ночью он сидел на завалинке дедовского дома и курил. Тишина давила на уши. Над рекой поднимался призрачный туман. Родители давно спали, когда он, завернувшись в безразмерную дедову телогрейку, тихо выскользнул из дома.

Скрипнуло крыльцо, мелькнула белая фигура.

— Ты чего не спишь? — Егор обрадовался Лельке, но виду не показал. — Не бегай раздевая — простудишься.

— Я мамину куртку взяла, — она потрясла перед его носом пропахшей дымом ветровкой. — А ты чего не спишь?

— Хреново мне, — честно признался Егор.

— Из-за Ирки?

— Из-за всего.

— Я понимаю, — шепнула Лелька, устроившись рядом на завалинке.

— Севку жалко. Дурак он. Ну, проиграл деньги, мы бы ему помогли, собрали...

— Жалко, — согласилась сестра. — А Ирку — нисколько. Я знаю, что ты её любил, но...

— Проехали, — Егор закрыл тему.

— Это к лучшему, — кивнула Лелька. — Только к лучшему. Всё будет хорошо.

Егор стал возиться с замком на ящике письменного стола.

— Дай невидимку.

Лелька не поняла:

— Это ещё зачем?

— Ящик вскрою.

— Егор, может, не стоит? — Лелька испуганно заглянула брату в лицо.

— Почему? — не отрываясь от своего занятия, бросил он.

— Нехорошо это... — как-то замялась Лелька. — Только папы не стало...

Брат с укоризной посмотрел на неё:

— Лель, ну ты чего? Нам надо найти документы: баб-Катино свидетельство о смерти и папино — о рождении.

Сестра вынула из волос невидимку и протянула Егору. Рыжая прядь упала на лицо, прикрыв по-кошачьи раскосый глаз. В деревне

Лельку не любили. Бабки говорили, что она похожа на ведьму.

Егор вставил заколку в замок и с хрустом повернул против часовой стрелки. Наконец ящик тяжело выкатился.

— Держи, — чтобы отвлечь Лельку от печальных мыслей, он сунул ей в руки две верхние папки — синюю и красную, а сам принялся перебирать толстую стопку документов.

Письма, диплом, какая-то гербовая бумага... Знакомый косой отцовский почерк с наклоном влево...

Лелька тем временем раскрыла синюю папку.

— Смотри, вот какое-то свидетельство... — она осеклась и как-то странно вздохнула.

Егор поднял глаза. Сестра смотрела на копию документа остановившимся взглядом и часто-часто дышала. Истерика. Егор уже видел такое однажды, когда на их глазах грузовик сбил собаку.

— Лель?

Она не слышала. Губы прыгали часто-часто, лицо белело в темноте, как гипсовая маска. Он вскочил, чтобы позвать маму, но Лелька проворно схватила его за руку:

— Нет.

Она протягивала брату лист, держа его за уголок двумя пальцами. Егор взял бумагу. Свидетельство о рождении. Герасимов Владимир Андреевич. Год рождения — 1991. Лелькин! Место рождения — Нижний Тагил. Отец — Герасимов Андрей Петрович. В графе «мать» — некая Еремеева Елизавета Игоревна. Как в плохом кино...

Скрипнула дверь. Голос Инны:

— Ребята, я макароны сварила. Егор? Ты что?

Первой мыслью было спрятать этот страшный листок от матери, порвать, уничтожить... Но она же всё равно узнает. И тут Лелька закричала — пронзительно и страшно, выкрикивая всю боль и обиду, которые переполняли её.

— Оля! — мама рванулась к ней.

— Mam, принеси воды, — коротко скомандовал Егор, попутно соображая, куда запихнуть проклятую бумагу.

— Как... он... мог?! — выдохнула Лелька, закашлялась, и её вырвало прямо на пушистый бежевый ковёр.

В кухне Инна сидела напротив сына, прямая и торжественная, как на панихиде:

— Он ездил туда в командировку, ты должен помнить...

— Mam, он никогда не говорил тебе?

— Никогда, — призналась она.

— Ты понимаешь, — соображал Егор, — этот Владимир, получается, тоже наследник...

— О господи... — выдохнула Инна. — Наследство... Я даже не думала. Мне казалось, что страшное произошло сегодня в три. Но нет... Господи, тридцать семь лет вместе! И теперь такое... За что?

— В той синей папке ещё есть листок с его номером телефона. Я позвоню...

— Егорушка, зачем? Может, не стоит? — неуверенно сказала мать.

— Он его сын. Имеет право знать, — в голосе сына не было сомнений.

— Какая грязь! — всхлинула Инна.

Егор с грохотом отодвинул стул, встал у окна.

Шёл дождь. За взъерошенными кронами деревьев колебались размытые ореолы фонарей.

— Я ведь его любила, — тихо сказала Инна. — Не сердись на него, Егорушка. Отец уже испустил свои грехи.

— Он поступил отвратительно — и с тобой, и с нами.

— Не надо, Егор, — просила мать. — Он нас слышит. Ещё сорок дней он здесь.

— Пусть слышит! — Егор топнул ногой, как в детстве.

— Он тоже нас любил, сынок. Люди ошибаются.

— Он даже не раскаивался, мама! — Егор повернулся спиной к матери.

— Сынок, откуда ты знаешь?

— Он даже не думал рассказать нам...

— Думал, что я не прошу, — жалость слышалась в каждом слове Инны.

— А ты бы простила? — повернувшись, Егор с гневом посмотрел на мать.

— Теперь думаю, что да, — выдохнула она.

Инна подошла к окну и встала рядом с сыном. Она едва доставала ему до плеча.

— Я позвоню ему завтра, мама, — смягчившись, сказал Егор и робко обнял мать.

Егор думал, что уснуть будет нелегко, но провалился в забытье, едва голова коснулась подушки. Спал крепко, без сновидений. Открыл глаза в половине девятого.

Мама с Лелькой легли в родительской спальне, а Егор — на диване в гостиной, которая когда-то служила детской. На паркете с той поры остался тёмный след — это под Новый 1996 год Севка уронил бенгальский огонь. Севка... Баб-Катя... Теперь папа.

Егор взял свой мобильный телефон и вышел на балкон. Бумажка с номером, сохранившаяся в синей папке, колола пальцы.

Брат... Чудные дела твои, Господи, как говорила баб-Катя. Всю жизнь мечтал о брате — и вот он, получи и распишись.

В трубке долго шли колючие гудки, потом что-то щёлкнуло, засипело.

— Алло! Алло! — кричали на том конце.

— Алло, — не сразу ответил Егор — странный сухой спазм сдавил горло.

— Владимир, здравствуйте. Меня зовут Егор. Андрей Петрович... ваш отец... умер.

«Андрей Петрович, ваш отец». Как странно прозвучало. Ведь он, Андрей Петрович, их отец... Их обоих.

— Умер... Отец... умер? — пролепетали на том конце.

— Да. Разбился на машине.

«Зачем я это сказал?» — мелькнула мысль у Егора. Может, положить трубку? Если бы вот так позвонили ему, что бы он сказал, сделал, подумал? Вчера Егору позвонила мама, и он сразу вцепился в её спасительное тепло, которое текло к нему из трубки. А если бы это был кто-то другой — чужой, холодный, официальный?

— Егор, — глухо отозвалась трубка, — вы ведь его сын, да? Простите меня, пожалуйста.

«Прощения просит, лицемер!» — Егор сглотнул гневный комок:

— Да, я его сын.

Уже несколько дней Егор не мог избавиться от горького привкуса гнева во рту.

— Сам бы прекрасно доехал! — заводился он ещё больше, теряя время в аэропорту.

— Егорушка, пожалей его, ведь он тоже отца потерял... — просила мать.

Инна замолчала, опасаясь, что голос выдаст её. На самом деле она чувствовала то же, что и сын, — горечь и гнев. Но ей хотелось смягчить Егора, в конце концов им этот далёкий Владимир зла не делал. Он же не просил мать рожать его от чужого мужа! Инна невесело усмехнулась своим мыслям.

— Ну и где он? С Екатеринбурга давно все прошли.

— Из Екатеринбурга, — машинально поправа сына Инна.

— Один хрен.

Он нарочно сказал грубость, зная, что мать терпеть не может таких слов, но Инна не услышала. Она вдруг увидела своего Андрюшу таким, каким он был до рождения Егора. Худенький, сутулый, взерошенный, он неуверенно шагал через зал прилёта. Вздвогнув, Инна качнулась назад, к Егору — сыну, который никогда не был похож на отца настолько, как этот чужой мальчик.

— Владимир, — тихо сказала она.

— Где? — отозвался Егор.

Он смотрел и не видел, зато Владимир, видимо, узнал их и несмело подошёл ближе.

— Здра-здравствуйте, — он немного заикался.

— Добрый день, — буркнул Егор. — Пошли, стоянка дорогая.

— Здравствуйте, Володя, — Инна попыталась улыбнуться, но даже сухой и вежливой улыбки не вышло — слёзы застилали глаза.

— Соболезную, — смущённо сказал Владимир.

Они пошли на парковку. Вблизи Владимир уже не казался Инне копией Андрея, но оставалось что-то неуловимое в походке, повороте головы, робкой улыбке, что играло с ней злую шутку. Она хотела ненавидеть этого Владимира и не могла. Он украл у неё свет, который должен был согреть после смерти мужа. Но хотела ли Инна обманываться?

— Я за-забронировал хостел на Невском, — сказал Владимир. — Вам нужна какая-то помощь? У меня есть немного денег...

— Нет, спасибо, мы всё уже оплатили, — сухо отказался Егор.

В машине Владимир долго не мог устроиться, чем ещё больше разозлил Егора, а потом отрешённо смотрел на поля и дома, мелькающие за окном. Инна безуспешно пыталась найти в сумке бумажные салфетки. Все молчали.

— Инна Михайловна, — наконец нарушил

тишину Владимир, — я же не путаю отчество?

— Нет, — холодно ответила она.

Инну больно кольнуло осознание того, что Андрей, возможно, рассказывал о ней другой женщине и этому робкому зайке.

— Я хотел сразу объясниться. На наследство я претендовать не стану, мне оно не нужно.

— Вот спасибо, — не выдержав, фыркнул Егор.

— Егор! — Инна попыталась изобразить недовольство, но вышло фальшиво. В глубине души ей было даже приятно, что её сын поставил на место этого... Вовку. Она всегда терпеть не могла имя Володя. Вова, Вовка, Вовочка... Тьфу!

— Извините, — умолкнув, Владимир снова уставился в окно.

«Смотри-смотри, — злорадствовал Егор. — У себя такого не увидишь».

Владимир всё ниже и ниже наклонялся к окну, пока совсем не уткнулся головой в стекло. Обернувшись с переднего сиденья, Инна заметила, что у Володи запотели очки — он плакал.

Ранним утром следующего дня они поехали на кладбище договариваться насчёт похорон.

Остро пахло опавшей листвой, в пронзительной голубизне над соснами заливались птицы.

Лелька с мужем остались дома, зато Владимир напросился с ними. Он почти всё время молчал, говорил, лишь когда к нему обращались. Это смирение раздражало Инну. Ей хотелось, чтобы он разозлил её, хотелось наговорить ему гадостей, но повода не было.

В болезненном оцепенении она бродила по ритуальной конторе: трогала гробы, поправляла ленты на венках, со странным любопытством разглядывала пахнущие деревом новенькие кресты.

Это все не всерьёз. Игра. Андрей не мог так поступить с ней. Он не мог уйти, оставив её один на один со всем этим...

— Мама, — Егор окликнул её, и она поспешно отдернула руку от траурной ленты с золотыми буквами. — Подойди, пожалуйста.

Она приблизилась к сыну.

— Инна Михайловна, позвольте мне заплатить за что-нибудь. Ведь это мой отец, — Владимир появился откуда-то сбоку, она уже успела забыть о нём.

— Не стоит, — отрезал Егор.

Инна повернулась к Владимиру, чтобы подтвердить слова сына: они не нуждаются в подачках, тем более от таких людей...

Володя стоял сгорбившись, в дешёвом растянутом свитере, плохо подстриженные волосы торчали, как бы он их ни приглаживал. Глаза за стёклами очков подозрительно блестели. В эту минуту он был страшно похож на Андрея.

— Сынок, если Володя хочет... — голос Инны дрогнул.

— Решайте сами! — отмахнулся Егор, распахнул входную дверь и вышел из ритуальной конторы в прозрачный осенний день.

Инна и Владимир остались вдвоём в окружении пугающих атрибутов последнего пути.

— Он к вам часто приезжал? — тихо спросила Инна.

— Редко. Я раз пять всего его видел, — Владимир отвёл взгляд.

— Ты даже представить не можешь, что у меня внутри сейчас, — не сдержавшись, сказала Инна.

Вдруг с улицы пахнуло свежим воздухом осеннего бора и крепким табаком, задрожали, вспыхивая золотыми буквами, ленты. В контору ввалилась размалёванная девица в тёмном платке.

— Ну что, определились? — почти весело спросила она.

— Ещё нет, — ответила Инна.

— Я помогу. — Володя шагнул к ней.

— Мама, я тебя не понимаю. Тебе больше всех нас должно быть отвратительно всё это, а ты с ним сюсюкаешь, как с маленьким. — Егор мерил кухню шагами.

Лелька, чьё лицо казалось особенно бледным на фоне огненных волос, склонилась над чашкой и булькала чаем, как маленькая. Инна стояла у окна, скрестив руки на груди.

— Он не виноват, Егор. Ни в чём. В том, что случилось, виноват твой отец и его мать.

— Ах, вот как ты заговорила! «Егор, он нас слышит, ещё сорок дней он здесь», — передразнил он Инну.

— Я говорила о том, что смертью он искупил свои грехи. И Володя тут совершенно ни при чем.

— Володя?! — взорвался Егор. — Может, ты ещё пожить его к нам пригласишь? Он одного года с Лелькой, как ты не поймёшь! Отец от тебя ездил к этой бабе, а от неё — к тебе!

Инна вздрогнула как от удара. Лелька часто задышала, и, чтобы успокоить, мать положила руку ей на плечо.

— Ну-ну, перестань. Всё в порядке. Егор, — очень спокойно сказала она, — Володя причиняет мне сейчас гораздо меньше боли, чем ты. А ведь ты мой сын.

— Отли-и-ично! — процедил Егор. — Ты уже и сравнивать начала.

— Я никого не сравниваю. Ты мой сын, и я безумно тебя люблю. И Лельку люблю. Вы у меня замечательные. Но тебе стоит пожалеть этого мальчика. Он не виноват в том, что совершили его родители.

Егор некоторое время смотрел на неё, потом шумно выдохнул и проговорил примирительно:

— Чаю налить? А то вон Лелька со дна что-то тянет...

— Спасибо, я не хочу, — Инна вышла из кухни.

Хоронили в дождь. Инна, разбитая бессонницей и переживаниями, стояла, прислонившись к плечу Егора, и буравила взглядом старый металлический крест на соседней могиле. С утра щемило сердце, боли отдавали в плечо и лопатку. После отпевания Инне стало лучше, но ненадолго. Когда она увидела разверстную могилу, всё поплыло в глазах, голову обожгло болью.

Лелька едва держалась на ногах. Муж Паша обхватил её обеими руками, как ребёнка, который учится ходить.

На Егора было невозможно смотреть: за считанные дни он почернел и осунулся. «Ты бы заплакал», — посоветовала ему накануне вечером Инна. Он посмотрел на неё диким взглядом и вышел, хлопнув дверью.

Владимир стоял вдалеке, смешавшись с толпой дальних родственников. Кажется, плакал.

На поминках он не прикоснулся к еде и ни разу ни с кем не заговорил. Инна тоже молчала и ковыряла вилкой остывший резиновый блинчик.

Она терпеть не могла поминки: всю эту суету, алкоголь, неискренние поминальные речи и болтовню. На другом конце стола двоюродная сестра Андрея рассказывала о поездке на Мальдивы, пока её муж, угрюмый и туповатый, лихо опрокидывал рюмки. Выживший из

ума двоюродный дед гладил по руке свою жену и задушевым тоном повторял:

— Девушка, мы с вами точно где-то встречались.

Лелька цедила минералку с лимоном — её тошнило. Слева от неё Пашка жевал хлебную корку, пытаясь не заснуть, — предыдущую ночь он провёл в самолёте. Справа застыл Егор. Его пельебно-серое лицо выражало отчаяние.

— Егор, скажи что-нибудь! — задорно выкрикнула бабка Фрося — седьмая вода на киселе.

Её остренькое личико покраснело от «беленькой», а уголки рта то и дело предательски ползли вверх — казалось, она радуется тому, что пережила Андрея.

Егор, покачиваясь, вырос над столом.

— Егор! — встревоженно прошептала Инна.

— Я — нормально, мама, — чужим сиплым голосом проговорил он.

Глаза его блуждали по лицам, не фокусируясь. Вдруг он вздрогнул всем телом и стал заваливаться набок с тонким пронзительным «и-и-и-и».

— Господи! — вскрикнула Фрося.

Егор тяжело рухнул на ковёр, чудом не задев затылком край стола. Его ноги задёргались, глаза закатились.

— Вилку! Вилку ему в зубы! — заверещал кто-то.

Инна оцепенела. Лелька задышала громко и часто. К Егору через всю комнату метнулась тень:

— Н-не нужно никакой вилки. Мягкое что-нибудь давайте.

Владимир сел на пол, притянул голову Егора к себе на колени и замер.

— Это пройдёт, у мамы такое часто бывало, — спокойно сказал он.

Тело Егора ещё подергивалось, но всё реже, реже. Наконец раздалось сопение.

— Он уснул. Уже нормально. Кто-нибудь помогите мне перенести его на диван, — поднимаясь с пола, попросил Владимир.

— ...Мама умерла два месяца назад, — сказал Владимир и отвернулся, уставившись в окно.

Инну била крупная дрожь. Они вдвоём сидели на опустевшей кухне. Гости разъехались. Егор спал в гостиной, Лелька с мужем — в спальне.

— Извини, я не знала.

— Это ничего бы не изменило, — признался Владимир.

— Так ты остался один? — с сочувствием спросила Инна.

— Нет, — он мотнул головой. — Я живу с бабушкой. После того как мамы... не стало... она очень плохо себя чувствует.

— С кем же ты её оставил?

— С племянницей. Инна Михайловна, я очень благодарен вам, что вы позвонили мне и разрешили приехать. Я ведь чувствую, что Егор и Ольга были против...

— Что ты... — сдержав слёзы, Инна прикрыла рот ладонью.

— Нет, правда. Я ведь вам соврал, Инна Михайловна. Простите меня. Я никогда не видел отца. Он не приезжал ко мне в Тагил. Ни разу. Никогда.

Наверное, ей должно было стать легче, но сделалось почему-то только горше. Если Андрей действительно здесь, пока не истекли сроки дней, то пусть ответит: зачем он поступил так с ними всеми.

— Я знаю, что он был прекрасным человеком, — говорил Владимир. — Вы его очень любили. И я любил... — Тут же поправился: — Любил то, что рассказывала о нём мама... Простите, я не должен всего этого говорить, наверное.

— Ты очень на него похож, — Инна горько улыбнулась. — Но, я думаю, ты будешь лучше него.

— Вы злитесь, я вас понимаю. Я тоже злился на отца. Очень долго злился. А когда позвонил Егор и сказал, что отец умер, я заплакал. Я ведь верил, что однажды он позвонит в дверь и скажет: «Здесь живёт Володя Герасимов?» И я отвечу: «Да, папа, это я». Смешно, да?

Инна больше не могла сдерживаться. Она зарыдала, оплакивая Андрея, себя и Володю.

— Позвони, как долетишь, — в аэропорту тихо сказала Инна, пожимая руку Владимира — сухую и сильную, как у отца.

— Обязательно, Инна Михайловна, — пообещал он.

Егор стоял поодаль и делал вид, что изучает табло вылета, на котором уже долгое время горели китайские иероглифы.

— Егор, — негромко позвал Володя.

Они посмотрели друг на друга. Егор подошёл, протянул ладонь и сказал сухо:

— Будешь в Питере — звони. Поможем.

— Нет уж, лучше вы к нам, в Тагил. — Владимир смущенно рассмеялся. — До свидания.

— До встречи, Володя, — Инна слабо улыбнулась.

— Пока, — Егор снова уткнулся взглядом в табло.

Володя, сгорбившись, зашагал к стойке авиакомпании. В эту минуту он был особенно похож на отца.

□

Анна Алексеевна БАБИНА

родилась в Ленинграде.

Окончила юридический факультет С.-Петербургского университета.

Пишет стихи и прозу.

Публиковалась в альманахах «Птеродактиль», «Земляки».

Победитель Всероссийского конкурса «Родине поклонитесь» (2018),

награждена дипломом конкурса «Хрустальный родник» (2019),

специальным призом симпатий жюри Форума молодых писателей

и издателей «Авторизация-2018» (2018, Санкт-Петербург).

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации «Проза».

Живёт в Санкт-Петербурге.

В журнале «Север» публикуется впервые.

